

УДК 340.15

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ
УПРАВЛЕНИИ И СУДОУСТРОЙСТВЕ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Гаврилова А. В.

Юридический институт Кемеровского государственного университета

В статье анализируются специфические особенности окраинных сибирских территорий. Выделяются основные причины, влияющие на формирование особой модели управления и суда. Анализируются изъятия из общих положений имперского законодательства в сфере управления и суда, а также акцентируется внимание на нормативных правовых актах, имеющих юридическую силу исключительно на территории сибирских губерний («Учреждения для управления Сибирских губерний» и «Устава об управлении инородцев»), что было обусловлено ее антропологическими и социокультурными отличиями. В контексте Судебной реформы раскрываются и обобщаются основные отступления от общих правил Судебных Уставов 1864 г. в связи с геополитическими и социокультурными особенностями сибирских губерний, отнесенных к судебным округам Омской и Иркутской судебных палат.

Ключевые слова: управление, судоустройство, Сибирь, инородцы, мировые суды, крестьянские начальники, суд присяжных заседателей.

Геополитические особенности Сибири, ее отдаленность от центра империи, огромная территориальная протяженность, низкая плотность населения, неразвитость средств коммуникаций, сосредоточение здесь значительного контингента ссыльных и беглых «лихих» людей – традиционно требовали наличия здесь особой, чрезвычайно специфичной модели управления и суда, адекватно отвечавшей всем перечисленным вызовам. На протяжении XVIII столетия имперские власти пытались реализовать такую модель, жертвуя при этом даже сущностным принципом самодержавия – унификацией всего и вся: даже универсализм Губернской реформы 1775 г. был нарушен в связи с особой ситуацией в восточном регионе Российской империи.

Однако, идеальной для Сибири системы управления и судоустройства так и не было выработано; ситуация в регионе по-прежнему требовала ее усовершенствования [1].

Исполнение этой трудной задачи было поручено М. М. Сперанскому при назначении его 22 марта 1819 г. сибирским генерал-губернатором. В результате инспекции [2] вверенной ему территории была предложена новая модель управления и суда, представленная в 1822 г. на высочайшее утверждение в виде проектов двух узаконений – «Учреждения для управления Сибирских губерний» [3] и «Устава об управлении инородцев» [4].

Создаваемая модель региональной власти на территории сибирских губерний отличалась четкой дифференциацией полномочий с выделением надзорных, контролирующих, исполнительных и судебных органов:

- главные управления, Западно-Сибирское и Восточное-Сибирское, в лице генерал-губернаторов и шести членов наделялись правом надзора за деятельностью всех административных и судебных инстанций;
- общие управления губернского и областного уровня наделялись правом контроля за деятельностью всей губернской, областной и окружной администрации;
- частные управления губернского и областного уровня, окружные, волостные и инородческие органы наделялись функциями управления и суда.

Оценивая результаты реформаторской деятельности М. М. Сперанского, представляется возможным утверждать, что предложенные им узаконения и их практическое воплощение на обширной окраинной территории Российской империи, отличавшейся существенными геополитическими и социокультурными особенностями, нацеленные на обеспечение последовательной ее интеграции в единое имперское пространство, на деле привели к созданию смешанных органов местного управления и суда при временном сохранении норм обычного права в отношении инородцев. Упорядочение законодательства о Сибири, первый опыт составления своеобразного свода законов, опередивших общероссийскую кодификацию ровно на десять лет, не означают успеха М. М. Сперанского в основном своем замысле.

Тот факт, что Устав об управлении инородцами, ослабляя патриархальные отношения в среде коренного населения, не искоренял их окончательно, позволяет утверждать, что, в конечном счете, законы 1822 г. снимали вопрос о подчинении инородцев имперскому законодательству с текущей повестки дня, консервируя социокультурную специфику Сибири, затрудняя дальнейшие интеграционные процессы. Доказательством правомерности подобного утверждения является содержание Положения I Сибирского комитета от 20.05.1831: рассмотрев коллизионную ситуацию, когда установленные 1 января 1831 г. новые правила о ревизии уголовных дел вступили в противоречие с предписаниями Сибирского учреждения 1822 г., Комитет установил, что, поскольку «...правила сии, были основаны ...на местном положении сибирских губерний, они не отменяются, а должны быть оставлены в полной своей силе и действии» [5]. Очевидно, что Положение 1831 г. можно трактовать следующим образом: никакой новый закон не распространяется на Сибирь, если в нем об этом специально не указано.

Середина XIX столетия характеризуется изменением правительственной политики по отношению к Сибири. Тогдашний восточносибирский генерал-губернатор Д. Г. Анучин обозначил сущность нового курса как «...имперское “поглощение”» региона путем создания копирующих центральные учреждения управленческих структур, усложнения административно-территориальной сети (включая специальные административно-территориальные округа, в том числе и судебные), унификации организационной структуры судебных и административно-полицейских органов, постепенная ликвидация традиционных институтов» [6, с. 66]. Речь, таким образом, шла о распространении на сибирскую провинцию реформ, апробированных в центре страны, нацеленных на экономическую и социокультурную модернизацию.

Тем не менее процесс реализации судебной реформы Александра II, растянувшийся на ряд десятилетий, свидетельствовал о том, что «имперское поглощение» региона осложнялось прежними социокультурными особенностями Сибирских гу-

берний. Географическая отдаленность и огромные пространства сибирских территорий, низкая плотность населения, крайне невысокий уровень культуры последнего, наличие значительного количества инородцев, наряду с законными опасениями центральной власти, что реализация некоторых демократических новаций реформы чревата ростом сепаратистских настроений способствовали тому, что первые попытки реформирования судебной системы в Сибири были датированы серединой 1880-х гг.

Впрочем крайняя медлительность центральной власти в реализации норм судебных уставов на территории Сибири была не единственным проявлением влияния геополитических и социокультурных особенностей на содержание реформы. Мероприятия, предусмотренные «Временными правилами о некоторых изменениях в законах, касающихся судоустройства и судопроизводства в Сибири» от 25 февраля 1885 года и «Временными правилами о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г., свидетельствуют о том, судебные преобразования осуществлялись со значительным отступлением от общих стандартов институтов, установленных реформой 1864 г. [7].

В первую очередь это относится к институту мировых судей. Правила 1885 г. вообще не предполагали введения в Сибири мирового суда, что, по мнению ряда исследователей, объяснялось отсутствием здесь земских учреждений [8, с. 17–19]. С принятием «Временных правил» 1896 г. мировые суды в Сибири были учреждены (за исключением Туруханского края Енисейской губернии, Верхоянского и Колымского округов Якутской области, Анадырского, Петропавловского, Гижинского и Охотского округов Приморской области, где полномочия местного суда принадлежали начальникам местной полиции [9, с. 10]), однако, в силу крайней нехватки лиц, отвечавших требуемому образовательному цензу, мировые судьи в Сибири, вопреки нормам Учреждения судебных установлений, не избирались, а назначались Министерством юстиции, при этом кадровый резерв зачастую восполнялся из кандидатов на судебные должности в европейской части России. Кадровый голод отразился и на совмещении мировыми судьями в Сибири своих непосредственных обязанностей с полномочиями судебных следователей (по подведомственности своего участка либо окружного суда) и нотариусов. В этой связи, соглашаясь с С. В. Лонской, отметим, что в Сибири сформировалась специфичная модель мировых судов, основанная на принципах экономности, простоты, доступности и подвижности функций [10]. С учетом же географических особенностей региона – обширностью территорий, значительным расстоянием между поселениями, плачевным состоянием коммуникаций – власть вынуждена была пойти на расширение подсудности гражданских дел, рассматриваемых мировыми судьями (с ценой иска до 2 тыс. руб. вместо 500 руб., согласно Уставам) и согласиться на упрощенную схему мировой юстиции: в Сибири отсутствовали съезды мировых судей, чьи функции вменялись окружным судам, а права кассационной инстанции на основании ст. 37 и ст. 69 Временных правил от 13 мая 1896 г. «О применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» были переданы Судебным палатам [11, с. 419–425.].

По мнению А. А. Сапункова, деятельность судебных палат в качестве кассационной инстанции происходила на отдаленных окраинах и не распространялась на наиболее значимые уголовные и гражданские дела, тем не менее явилась важнейшим элементом обеспечения доступности суда для населения, поскольку по данной

категории дел обращение с кассационной жалобой в столицу было излишне затратным мероприятием [12, с. 145].

Последующее развитие системы мировой юстиции в Сибири также демонстрирует существенные специфические особенности, отличные от европейских губерний. На этот раз специфику процесса предопределил отмеченный нами анахронизм инородческого управления и суда. Новый нормативный правовой акт – «Временное положение о крестьянских начальниках» от 8 июня 1898 г. – был направлен на окончательное подчинение коренного населения Сибири общероссийскому законодательству и полное приравнение их правового статуса к гражданскому состоянию оседлого крестьянского населения (действие закона о крестьянских начальниках не распространялось на Якутскую область и северные районы проживания «бродячих инородцев», продолжавших подчиняться Уставу об инородцах 1822 г.). Согласно данному Положению органы управления инородцев заменялись волостными и сельскими сходами, наподобие тех, что существовали в европейских губерниях под контролем крестьянских начальников. Последние наделялись самыми широкими правами в сфере управления аборигенным населением, в том числе и судебными полномочиями при рассмотрении определенных категорий дел.

Многие исследователи усматривают в институте крестьянских начальников региональный сибирский аналог земским начальникам, функционировавшим в европейской России [13]. Представляется, что это утверждение несколько некорректно. Речь даже не об ином наименовании должности. Отсутствие в Сибири потомственного дворянства и недостаточное количество чиновников, имевших образование, позволявшее им отправлять должности земских участковых начальников привели к тому, что этот институт не мог быть реализован в Сибири в полном объеме: если в европейской России земские участковые начальники полностью заменили мировой суд (за исключением Москвы, Петербурга и Одессы), то в судебных округах Восточной и Западной Сибири был установлен некий симбиоз местного суда в виде одновременного сосуществования мировых судей и крестьянских начальников.

Совокупность неблагоприятных геополитических факторов и социокультурных особенностей Сибири оказывало сдерживающее воздействие и на формирование судопроизводства с участием присяжных заседателей. Вопрос о создании здесь суда присяжных был поставлен на повестку дня лишь в 1907 г., в условиях очевидного роста экономического и культурного уровня Западно-Сибирского региона, притока населения в ходе переселенческой политики, повышения оплаты труда на частных предприятиях и увеличения цен на недвижимое имущество [14, с. 42], но принятие соответствующего закона затянулось еще на два года.

Закон «О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренской и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской» был принят только 10 мая 1909 г. [15], согласно которому в Томской губернии, Тобольском, Туринском, Тюменском, Ялуторовском, Ишимском, Тюкалинском и Курганском уездах Тобольской губернии был учрежден суд с участием присяжных заседателей.

Восточная Сибирь в этом отношении оказалась в менее выгодной ситуации, несмотря на множество сторонников введения здесь суда присяжных заседателей. В частности старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков неодно-

кратно высказывал свое мнение министру юстиции при личных докладах в 1910–1913 гг. о том, что Восточная Сибирь в этнографическом и культурном отношении не уступает Западной Сибири, ссылаясь на учреждение суда присяжных в Омской судебной палате. В то же время иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, ознакомившись с результатами ревизии края и материалами работ комиссий и губернских совещаний, в декабре 1910 г. на личной встрече с И. Г. Щегловитым сообщил, что за «недостатком полиции, необеспечением имущественной и личной безопасности населения и при одновременном скоплении в крае ссыльных необходимо предвидеть, что даже благоприятнейшие из числа присяжных заседателей на всегда найдут в себе достаточно гражданского мужества, чтобы высказаться за осуждение преступника из опасений мести со стороны преступных элементов, между собой очень сплоченных» [16]. Аналогично этому высказыванию сенатор А. А. Глищинский отмечал: «Помимо ссылки, население Восточной Сибири, в особенности Забайкальской, Приморской и Амурской областей, испытывает негативное влияние пришлых инородцев – китайцев и корейцев. Переселенцы также признаны были ненадежным элементом, так как лучшее крестьянское население, оседлое и обеспеченное, оставалось в Европейской России»; при этом, характеризуя социокультурное развитие населения Восточной Сибири, он указал, что «умственное и нравственное развитие населения Восточной Сибири недостаточно для суда присяжных», и в случае введения суда присяжных «лица были бы лишены самообладания, спокойствия и беспристрастности, без чего немислимо отправление правосудия» [17, с. 87].

В итоге 12 января 1912 г. мнение генерал-губернатора было заслушано на заседании Совета Министров и вопрос о введении суда присяжных заседателей в Восточной Сибири был отложен. По мнению О. Г. Бузмаковой, разногласия во взглядах судебной и исполнительной власти относительно введения суда присяжных заседателей на территории Восточной Сибири носили, скорее всего, не объективный, а субъективный характер [17, с. 88].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что на протяжении XIX – начале XX вв. административное и судебное устройство Сибири отличала существенная региональная специфика, нашедшая свое отражение в законодательстве, регламентировавшем организационное построение и функционирование органов административно-полицейского управления и юстиции в сибирских губерниях. Завершению процесса социально-хозяйственной и правовой интеграции окраинных восточных территорий и европейской России в рамках единого имперского пространства препятствовали объективно существующие геополитические и социокультурные особенности Сибири, что обуславливает насущную необходимость использования социокультурного подхода в процессе научного осмысления феномена сибирской юстиции в историко-правовых исследованиях.

Список литературы:

1. Гаврилова А. В. Проблемы и особенности сибирского судостроительства и судопроизводства в XVIII–XIX вв. (на примере обольской, Иркутской и Томской губерний) / А. В. Гаврилова // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 9–12.
2. Отчеты Сперанского в обзрении Сибири. СПб., 1899. – 756 с.
3. Высочайше утвержденный Устав «Учреждение для управления Сибирских губерний». 22 июля 1822 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собр. I. Т. 38. № 29125.

4. Высочайше утвержденный Устав «Об управлении инородцев». 22 июля 1822 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собр. I. Т. 38. № 29126.
5. Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета «О порядке ревизии уголовных дел, после решения их во второй степени суда новым следствием со стороны губернаторов дополненных по правилам Сибирского учреждения 1822 года». 20 мая 1831 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собр. II. Т. 6. Ч. 1. № 4585.
6. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1.
7. Высочайше утвержденные «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурье». Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 25 февраля 1885 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собр. III. Т. V (1885 г.). № 2770; Высочайше утвержденные «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири». Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 13 мая 1896 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собр. III. Т. XIV (1896 г.). Ч. I. № 12932.
8. Крапивных А. В., Лен К. В. Земство и Сибирь / А. В. Крапивных, К. В. Лен // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (28). – С. 17–19.
9. Генкин Д. М. Местный суд и его реформа / Д. М. Генкин. – М., 1908 г. – С. 10.
10. Миротворчество в России: создание, деятельность, историческая миссия. Монография / Под ред. А. Д. Поповой, С. В. Лонской. – М.: «Проспект», 2015. – С. 411. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://books.google.ru/books>
11. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12932.
12. Сапунков А. А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX – начало XX вв.: Дисс. ... канд. юрид. Наук / А. А. Сапунков. – Омск, 2018. – 210 с.
13. Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. IX. № 6196.
14. Крестьянников Е. А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири / Е. А. Крестьянников // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 37–47.
15. О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах губерний Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон от 10 мая 1909 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIX (1909 г.). Ч. I. № 31862.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 245, оп. 1, д. 476, л. 4.
17. Бузмакова О. Г. История учреждения суда присяжных в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / О. Г. Бузмакова // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2012. – № 27. – С. 83–90.

Gavrilova A. V. Sociocultural dimension of the law on the administration and the judicial system of siberia in the XIX – early XX centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 2. – P. 9–15.

Specific features of marginal Siberian territories are analyzed in the article. The main reasons that influence the formation of a special management and court model are outlined. Analyzes are made of the general provisions of the imperial legislation in the sphere of administration and court, and also focuses on normative legal acts that have legal force exclusively on the territory of the Siberian provinces ("Institutions for the management of the Siberian provinces" and "Charter on the management of non-Russians"), which was stipulated its anthropological and socio-cultural differences. In the context of the Judicial Reform, the main deviations from the general rules of the Judicial Statutes of 1864 are revealed and summarized in connection with the geopolitical and sociocultural peculiarities of the Siberian gubernias referred to the judicial districts of the Omsk and Irkutsk judicial chambers.

Key words: management, judicial system, Siberia, foreigners, world courts, peasant bosses, jury trial.

Spisok literaturi:

1. Gavrilova A. V. Problemy i osobennosti sibirskogo sudoustrojstva i sudoproizvodstva v XVIII-XIX vv. (na primere Tobol'skoy, Irkutskoy i Tomskoy guberniy) //Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. 2015. № 2. S. 9–12.
2. Otchety Speranskogo v obozrenii Sibiri. SPb., 1899.
3. Vysochayshe utverzhennyy Ustav «Uchrezhdenie dlya upravleniya Sibirskih guberniy». 22 iyulya 1822 g. // Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. I. T. 38. № 29125.
4. Vysochayshe utverzhennyy Ustav «Ob upravlenii inorodcev». 22 iyulya 1822 g. // Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. I. T. 38. № 29126.
5. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie Sibirskogo komiteta «O poryadke revizii ugovolnyh del, posle resheniya ih vo vtoroy stepeni suda novym sledstviem so storony gubernatorov dopolnennyh po pravilam Sibirskogo uchrezhdeniya 1822 goda». 20 maya 1831 g. // Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. II. T. 6. CH.1. № 4585.
6. Sbornik glavneyshih oficial'nyh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibir'yu. Irkutsk, 1884. T.1. vyp.1.
7. Vysochayshe utverzhennyye «Vremennyye pravila o nekotoryh izmeneniyah po sudoustrojstvu i sudoproizvodstvu v guberniyah Tobol'skoy i Tomskoy, Vostochnoy Sibiri i Priamur'e». Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 25 fevralya 1885 g. // Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. III. T. V (1885 g.). № 2770; Vysochayshe utverzhennyye «Vremennyye pravila o primenenii Sudebnyh ustavov k guberniyam i oblastyam Sibiri». Mnenie Gosudarstvennogo soveta, vysochayshe utverzhdennoe 13 maya 1896 g. // Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. III. T. XIV (1896 g.). CH.I. № 12932.
8. Krapivnyh A.V., Len K.V. Zemstvo i Sibir' // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 1 (28). – S. 17–19.
9. Genkin D.M. Mestnyj sud i ego refoma. – M., 1908 g. – S. 10.
10. Mirovaya yusticiya v Rossii: sozdanie, deyatel'nost', istoricheskaya missiya. Monografiya / Pod red. A.D. Popovoy, S.V. Lonskoj "Izdatel'stvo "Prospekt», 2015. – S. 411. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://books.google.ru/books>
11. Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. 3. T. 16. Otd. 1. SPb., 1899. №12932.
12. Sapunkov A.A. Sudebnye palaty v sudebnoj sisteme Rossijskoy imperii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: Diss. ...kand. jurid. nauk. Omsk, 2018.
13. Polozhenie o zemskih uchastkovykh nachal'nikah 12 iyulya 1889 g.// Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. III. T. IX. № 6196.
14. Krest'yannikov E. A.Sud prisyazhnyh v dorevolucionnoj Sibiri // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 4. S. 37–47.
15. O vvedenii uchrezhdeniya suda prisyazhnyh zasedatelej v YArenskom i Ust'-Sysol'skom uezdah Volodgodskoj gubernii, v nekotoryh uezdah gubernij Arhangel'skoj i Tobol'skoj, v gubernii Tomskoj i oblastyah Akmolinskoj, Semipalatinskoj i Ural'skoj. Vysochayshe utverzhennyy odobrennyj Gosudarstvennym sovetom i Gosudarstvennoyu Dumoyu zakon ot 10 maya 1909 g. // Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoy imperii. Sobr. III. T. XXIX (1909 g.). CH.I. № 31862.
16. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoy oblasti (GAIO).F. 245.Op.1.D.476.L.4.
17. Buzmakova O.G. Istoriya uchrezhdeniya suda prisyazhnyh v Vostochnoy Sibiri v konce XIX – nachale XX V //Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya. 2012. № 27. S. 83–90.